

Справочная информация:

Основана: 10 августа 1938

Географическое положение: Карельский берег Кандалакшского залива Белого моря, 15 км от железнодорожной станции Пояконда.
Географические координаты поселка Биостанции: 66° 34' N, 33° 08' E.

Площадь поселка - 15 га.

Административный адрес: Россия, Карельская республика, пос. Приморский.

Почтовый адрес: 184042 Мурманская область, Кандалакшский район, Главпочтамт, А/Я 20

Беломорская биологическая станция имени Н.А.Перцова МГУ

В качестве статьи по истории Беломорской Биологической Станции МГУ публикуется очерк профессора кафедры биофизики физического факультета МГУ, старшего научного сотрудника Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Симона Шноля.

Симон Эльевич Шноль – историк советской науки, автор книг «Герои и злодеи российской науки» (1997), «Герои, злодеи, конформисты российской науки» (2001)

© **Симон Шноль**, "Знание - сила" №8-1997 г.

Введение Романтиком и энтузиастом сформировался перед самой Отечественной войной герой этого очерка, мой однокурсник и друг Николай

Перцов. Пример его жизни - иллюстрация ярко выраженной нерациональности советской партийной системы: если такие преданные делу коммунизма энтузиасты, каким был Николай, всю жизнь борются с препятствиями, создаваемыми этой системой, если в борьбе рассеиваются идеалы и наступает мрачное разочарование у таких замечательных людей - система нежизнеспособна.

Кратко говоря, очерк посвящен романтической истории, как на запасе бесценного романтического энтузиазма Н. А. Перцов и увлеченные им молодые люди без финансовой поддержки государства сумели создать одно из замечательных учебных и научных учреждений страны - Беломорскую биологическую станцию Московского университета (ББС МГУ).

ББС Беломорская станция по своему значению для нашей страны уникальна, но и по ряду особенностей она не имеет аналогов в мире. В разных странах есть морские биостанции, в том числе лучше оборудованные и более комфортные. Но нигде нет биостанций, предназначенных для сочетания столь интенсивной педагогической и научной работы. Здесь лаборатории, оборудование, флот, морской проточный аквариум, библиотека, условия для работы подводников-аквалангистов.

ББС находится на берегу полуострова Киндо в Кандалакшском заливе Белого моря. Расположена она почти точно на Полярном круге. Сообщение с ближайшей железнодорожной станцией Пояконда (15 километров) - на судах по Ругозерской губе. Сквозь тайгу и болота проложена высоковольтная электрическая линия и проведена телефонная связь.

Место, выбранное для Беломорской биостанции МГУ, было обусловлено многими важными причинами. Разнообразный животный мир Белого моря позволяет изучать большинство типов животных в условиях естественных биогеоценозов (в этом отношении оно гораздо богаче Черного и Балтийского морей). Относительная изолированность от Мирового океана, весенне-летнее опреснение при таянии снега, соединение атлантических и арктических элементов фауны, резкие перепады температур, сосуществование пресноводных и солоноводных видов животных и растений, молодость сухопутных береговых биогеоценозов - все это своеобразие делает Белое море крайне интересной природной лабораторией.

Белое море Белое море, "по свидетельству очевидцев", по геологическим данным, возникло всего около 20 тысяч лет тому назад. Могучий ледник последнего оледенения, отступая, выдавил со скального основания почву и наносы прежних тысячелетий, проутюжил все скалы и выступы этого скального основания и в образовавшиеся ложбины и впадины хлынула вода Северного Ледовитого океана. Белые, розовые, черные, выглаженные ледником каменные берега островов и заливов Белого моря чрезвычайно красивы. В воображении возникают картины прошлых эпох, когда в теплом климате того времени здесь росли совсем другие растения и жили экзотические животные. А может быть, и люди древних веков. Все следы их жизни уничтожены ледником. Но в северном безмолвии может быть еще слышатся их голоса ...

Небольшой геологический возраст Белого моря предоставляет возможность исследовать его фауну, флору, донные отложения в процессе формирования. Свообразие - относительная изолированность от мирового океана, весенне-летнее опреснение при таянии снега, соединение атлантических и арктических элементов фауны, резкие перепады температур, сосуществование пресноводных и солоноводных видов животных и растений, молодость сухопутных береговых биогеоценозов - делает Белое море крайне интересной природной лабораторией. Для организации

студенческой практики удобна также близость Белого моря к Москве.

Начало История Беломорской биостанции, ее замысел, строительство и место в интеллектуальной и нравственной жизни Московского университета полны глубоких символов. Станция была задумана выдающимся биологом, заведующим кафедрой зоологии беспозвоночных животных биофака МГУ (впоследствии академиком) Львом Александровичем Зенкевичем (1889 - 1970). В 1938 году на Белое море была послана экспедиция: группа студентов во главе с аспирантом К.А. Воскресенским. 10 августа они установили заявочный столб.

В 1938 - 1941 годах директорами биостанции были известные зоологи Л.Л. Россолимо, Г.М. Беляев (еще студентом участвовавший в экспедиции 1938 года); во время Отечественной войны Г.Г. Абрикосов, а в первые послевоенные годы П.В. Матекин. Петр Владимирович Матекин имел в штате станции лишь одного сотрудника - сторожа А.П. Никифорова, который всю войну ревностно охранял биостанцию. Георгиевский кавалер, инвалид первой мировой войны, он бодро двигался на деревянном протезе, укрепленном ремнями, закинутыми через плечо.

Мой первый приезд на ББС Ясным июльским утром 1950 года Андрей Павлович Никифоров и его семилетний внук, беленький, голубоглазый, ангельского облика Валя Сметанин, довели меня на парусной лодке до станции. Я был тогда начальником и единственным сам себе подчиненным участником гельминтологической экспедиции, посланной академиком К. И. Скрябиным в этот район. Дед и внук подобрали меня на одном из островов.

Мы пришли на ББС глубокой ночью - ярко светило низкое полярное Солнце. Сверкали небольшие волны. В чистой прозрачной воде у берега плавали мелкие разноцветные колюшки. Вместо причала лежала доска, положенная на камень. На берегу небольшая изба (сторожка деда, внука и бабки Евдокии Михайловны Сметанихи). Ближе к берегу дощатый домик (такие сейчас называют балками), служивший, когда бывали студенты, лабораторией. Вдоль окон - дощатый настил для микроскопов, для жилья - маленькая каморка с печкой. Все это называлось кубриком и сохраняется до сих пор как музейная ценность. На берегу слышны были крики чаек, куликов и пролетающих гагар. Было тихо. Ни студентов, ни научных работников в эти дни не было. А когда они приезжали, то жили в палатках. Пищу варили на костре, плавали для сбора материала на весельной лодке.

Назначение Перцова директором В июле 1951 года директором ББС был назначен только что окончивший МГУ Н.А. Перцов. И уже через десять дней был составлен исторический акт: перепись имущества биостанции, который подписали Перцов, сторож Никифоров, художник И.П. Рубан и аспирант М.Е. Виноградов. В акте значились: сторожка одна, лаборатория одна (в плохом состоянии), лодка ("казенная") одна (в плохом состоянии), планктонная сетка одна (негодная), драги три (лишь одна в хорошем состоянии) и так далее. А еще топоров два, молоток один, кастрюля одна и так далее, список, очень напоминающий перечень Робинзона Крузо после кораблекрушения.

Вместе с Перцовым и его женой Натальей Михайловной прибыли его однокурсники М.Е. и Н.Г. Виноградовы, Н.М. Воронина, Е.А. Цихон, И.А. Носова, И.И. Гительзон, Я. Д. Гуревич. Началась современная история ББС.

Мой второй приезд. Разительные перемены. Следующий раз довелось мне попасть на ББС лишь в январе 1962 года. На берегу моря, среди сосен, у подножия пологой, выглаженной ледником скалы дорожки в снегу вели к зданиям лабораторий, общежитий, кухни-столовой (клуба), домов сотрудников. Чуть выше стоял уютный дом директора. У ручья - бревенчатый дом Зенкевича. Прекрасная баня с парным отделением, просторная пилорама со штабелем заготовленных досок. На берегу, как в настоящем порту, на катках и проложенных рельсах зимовали мотобот, небольшой лоцманский бот "Ломоносов", маленький гидробиологический бот "Биолог", много лодок. Биостанция была электрифицирована, работали дизели и аккумуляторная станция. И, как художественный символ, на берегу возвышался ветряк, построенный в надежде преобразования энергии ветра в электрическую. Лопасты ветряка минорно поскрипывали от ветра. Поразительно выглядели склады с разнообразным имуществом, слесарным и столярным инструментом, множеством прекрасных микроскопов, препаровальных луп, термостатов, компрессоров, одеял, сапог, телогреек, и все в невиданном мною нигде более порядке: каждая вещь на определенном месте с записью в журнале и при строгом учете. Сверху из "водопроводного озера" была проложена система труб, по которым вода летом "сифоном" поступала вниз, на биостанцию. Около мастерской стояли трактор и бульдозер. Замечательны были печи во всех домах: они сохраняли тепло сутки и были очень экономичны.

Как такое стало возможным? Это чудо нуждалось в осмыслении. Как оно стало возможным? Заведомо без централизованного финансирования (МГУ не планировал тогда ББС, все силы уходило на оборудование новых зданий на Ленинских горах в Москве), в суровых условиях на Полярном круге? Как это могло осуществиться в наших советских условиях? Мы сейчас видим прошлое лишь в мрачном свете. Это неверно и несправедливо. Энтузиазм, самопожертвование - действительная причина многих побед и преодолений прошедших десятилетий. В строительстве Беломорской биостанции реализовался этот прекрасный романтический дух. Более того, я думаю, Николай Андреевич Перцов, российский интеллигент и исследователь, в строительстве биостанции нашел способ воплощения своих идеалов. Здесь он был свободен, Здесь было братское содружество, место радостного и бескорыстного труда. За тридцать три года директорства Перцова в строительстве ББС участвовали многие-многие сотни людей. И сколько из них вспоминают об этом времени как о самых светлых днях своей жизни.

История жизни Николая Андреевича Н. А. Перцов - потомственный, по происхождению, воспитанию, традициям российский интеллигент. Он внук известного юриста Петра Александровича Эрдели, арестованного и погибшего в 1937 году. Сестра деда, Ксения Александровна Эрдели - арфистка, профессор Московской консерватории, народная артистка России. С ранних лет Николай рос в семье отчима, Глеба Ивановича Бакланова, профессора, заведующего кафедрой промышленной статистики Экономико-статистического института. Он учился в знаменитой 57-й московской школе, которую окончил в мае 1941 года.

Когда началась война, Николаю Перцову было 17 лет. В июле он пошел на войну вместе с отчимом в составе истребительного батальона народного ополчения Молотовского района Москвы, а потом 6-го стрелкового полка московских рабочих держал оборону Москвы на Можайском направлении. В тяжелых боях осенью 1941 года под Москвой Николай был контужен. В январе 1942 года в госпитале была комиссия. Генерал возмутился: "Дети не должны воевать!" Перцова демобилизовали, и он стал студентом биофака МГУ. Летом 1942 года Николай обучал военному делу уходящих на фронт сотрудников университета, потом и сам снова ушел воевать.

Осенью 1946 года среди первокурсников биофака МГУ появился демобилизованный из армии бледный, черноволосый, чрезвычайно привлекательный юноша в офицерском кителе. Его пламенные речи оказывали на нас, его товарищей по курсу, гипнотическое влияние. Он отлично учился, был душой курса, его ожидало прекрасное будущее. Но еще в конце войны у него открылся тяжелый туберкулез. Состояние Николая ухудшалось. Ему рекомендовали ехать на юг.

Он уехал на Север, на Белое море, в заполярный Кандалакшский заповедник делать дипломную работу по своей специальности - зоологии беспозвоночных. (На эту кафедру пришли лучшие студенты курса: следствие яркой личности, увлекательных и глубоких лекций Л. А. Зенкевича, прекрасных практикумов и романтики морских экспедиций.) Как отмечали рецензенты Н. А. Формозов и Л. А. Зенкевич, дипломник проявил незаурядные способности к научной работе. Но он прожил жизнь без научных степеней и званий. Его выбор, был, как говорили в старину, служение обществу. Он остался в Кандалакше. Его туберкулез отступил, а затем и вовсе прошел.

Поэзия жизни. Все, что было сделано на ББС Перцовым и его последователями, зовется словом "поэзия". Поэзия жизни. Автором ее был Перцов. Сколько же построили, не затратив казенных денег, эти поэты! Но тут необходимо уточнение. Взрослым людям трудно следовать мечте. Им приходится руководствоваться личной выгодой, проявлять личную инициативу и создавать частную собственность (так в оригинале - V.V.). Молодые - возрастная психология - мечте следовать могут. Этим и объясняется замечательный феномен советской действительности - молодежные стройотряды. Идея эта родилась на ББС, ее автор - Перцов. Она отражала дух самоотверженности, энтузиазма и героизма. Позже (и, наверное, независимо) идея студенческих отрядов возникла на физическом факультете Московского университета при освоении целины.

На ББС студенты, а потом и школьники работали без всякой оплаты. Перцов ухитрялся оплачивать им билеты на поезд (30 рублей в оба конца) и по 1 рублю 20 копеек в день на еду в столовой при полном самообслуживании. Копали канавы, строили причалы, работали на пилораме, собирали и свозили камни, устанавливали столбы высоковольтной линии, клали печи, вели малярные и плотницкие работы. Математики, физики, биологи, филологи. Попасть в стройотряд было мечтой, и осуществить ее было непросто. Комплектовался он зимой в Москве, и отбор был строгий. Стройотряды работали в летние месяцы и в зимние каникулы. Зимой на ББС яркая луна, полярные сияния, мороз, глубокий снег. Жизнерадостная работа на морозе или отделочные работы в строящихся домах. Огонь в печах, чай и гитары. Работали и студенты, проходящие беломорскую практику, они вместе с преподавателями участвовали в различных "общественных" работах.

Пилорама Новая жизнь началась, когда в 1957 году Перцов добыл оборудование для пилорамы. В море и на берегах материка и островов было множество бревен - потерь при лесосплавах. Получили разрешение их использовать. Молодецкие забавы - на весельных баркасах и на вельботе вылавливать бревна, вязать их в плоты и тащить на берег... Бревна на пилораме превращали в доски. Доски использовали не только для собственных строительных нужд, но и как валюту - в обмен на многие необходимые материалы. Нужен был флот.

"Ломоносов" По просьбе Зенкевича специально для ББС в Ленинграде был построен лоцманский бот, названный "Ломоносов". Он был предназначен для каботажного плавания, и Перцов освоил мореходную специальность: капитан каботажного плавания. Летом 1956 года "Ломоносов" по системе каналов пришел на ББС. Взрыв энтузиазма потряс обитателей биостанции, когда ранним утром на подходе к ББС раздался гудок. "Ломоносов" ходил в Кандалакшу, возил грузы и студентов. Но для траления он не был приспособлен. К тому же вместимость его для больших групп студентов была недостаточной...

Музыка и "Научный" Еще на втором курсе Николай Перцов, обладавший очень хорошим слухом, врожденной музыкальностью, организовал из нас, однокурсников, хор. На ББС пели каждый вечер: морские и пиратские, русские народные и революционные, довоенные песни и песни Отечественной войны. Тон задавал Перцов, играя на баяне или фортепьяно, которое уже стояло в столовой.

"Когда на старом корабле уходим в даль мы, С родных берегов, в туманной мгле нас провожают пальмы. И чьи-то черные глаза горят в тумане. Чья-то любовь, чья-то слеза матроса ранит..."

Летом 1959 года отряд военных гидрографов описывал берега Кандалакшского залива. День за днем, месяц за месяцем их корабль обходил бухты, заливы и острова. Моряки погибали от скуки. В пяти километрах от ББС на острове Великом есть прекрасное место губа Лобаниха в форме круглого зеркала с темной неподвижной водой. В зеркальной воде отражаются огромные ели первобытного, никем не тревожимого леса. Вечером накануне Дня Военно-Морского Флота, когда моряки отдыхали на берегу, в бухту влетели три весельные шлюпки со студентами во главе с Перцовым. С лодок, в центре бухты они устроили замечательный концерт. Потом, на ББС, растроганный командир гидрографов сказал Перцову: "Ну, проси чего хочешь, слово моряка, я сделаю все!" И тот почти в шутку сказал: "Дай корабль!" - "Слово моряка! Мой дать не могу. Жди от меня известий".

Осенью Перцов получил телеграмму - приглашение в NN к адмиралу. Николай Андреевич произвел сильное впечатление на адмирала, и тот выполнил обещание капитана-гидрографа. Так ББС был передан рейдовый катер, получивший имя "Научный". Быстроходный и грузоподъемный "Научный" существенно изменил быт биостанции. Сколько на нем или на его буксире было перевезено грузов! Сколько студенческих групп на "Научном" выходило к ближним и дальним островам за материалами или на экскурсии!

Сейнер "Профессор Зенкевич" Не менее романтично приобретение самого большого корабля ББС - сейнера "Профессор Зенкевич". Нужно было судно для открытого моря, Лев Александрович Зенкевич обратился к министру рыбного хозяйства СССР. Тот сказал: "Вот у меня в Азове как раз строится средний черноморский сейнер, заберите!"

Сейнер! Судно, оборудованное для траления и любых других способов добычи материала при плавании в открытом море! И вот весной 1968 года - густой бас гудка на рейде в Великой Салме... Раз есть флот (корабли, баржи, лодки) - нужна ремонтная база, починка, окраска. И, как и раньше, почти все эти работы выполнялись силами студентов и сотрудников.

Аквариальный корпус Друзья стали уговаривать Перцова: "Хватит, биостанция уже построена. Пора пожинать плоды". Но директор обратился к студентам Архитектурного института, и они в качестве дипломной работы бесплатно сделали проект трехэтажной кирпичной морской лаборатории с морским аквариумом, холодильными установками, постоянным притоком свежей морской воды в аквариум, с современными лабораториями, библиотекой и конференцзалом.

Аквариальный корпус предполагался на месте, где стояла избушка давно умершего Никифорова. Там под болотистой почвой оказалась скала. На скале разжигали костер, на раскаленные камни лили воду, камни трескались, снова разжигали костер и снова лили воду - медленно шло углубление в монолит. Нужно было привезти кирпичи. Каждый кирпич брали в руки много раз: при погрузке в Москве и разгрузке в Пояконде, погрузке на берегу и разгрузке баржи на пирсе ББС, при укладке кирпичей в штабели и подаче кирпичей на

стройку. Стены аквариального корпуса и его сложное инженерное оснащение делали рабочие-профессионалы, присланные из МГУ. Уникальный корпус был завершен в 1970 году.

ЛЭПВесь этот беспрецедентный комплекс зависел от энергоснабжения. Давно уже дизельная электростанция исчерпала свои ресурсы, ее мощности не хватало. Одно из самых дерзких решений Перцова построить своими силами высоковольтную линию электропередачи, проведя трассу через тайгу и болота от Пояконды к ББС. Он изучил необходимую литературу и прибавил к необозримому списку своих специальностей еще одну - инженера-электрика, монтажника ЛЭП. Получил в соответствующих инстанциях разрешение, и вот молодые математики, физики, биологи, школьники-старшеклассники во главе с директором прокладывают трассу. Столбы устанавливают в рядах с камнями и нумеруют, но члены стройотрядов знают свои столбы "в лицо": каждый доставался с огромным трудом. Трассу кончили 25 сентября 1971 года. Комиссия, принимавшая работу, дала самую высокую оценку. Ровный электрический свет, работающие без срывов приборы, насосы, качающие воду, - к этому быстро привыкли. А еще через три года по той же трассе были поставлены столбы телефонной связи.

40 лет ББСМне представляется кульминацией этого восхождения празднование сорокалетия ББС 10 августа 1978 года. Плотный, "заматеревший" Перцов в строгом черном костюме с колодками орденов был не очень похож на бледного стройного юношу первых лет университета. На посвященной юбилею конференции он выступил с большим докладом (материалами которого я воспользовался при написании этого очерка). Выступали преподаватели разных факультетов университета и сотрудники ББС. Праздничные столы для почти двухсот человек были установлены перед зданиями лабораторий. При первом тосте салютовали стоявшие на рейде корабли, полетели с шипением и свистом морские сигнальные ракеты. На празднике были почетные гости - первооткрыватели Е.М. Лебедев, Г.М. Беляев, Н.Ю. Соколова (студенты 1938 года, вбившие заявочный столб на месте ББС). Пел песни стройотряд, дирижировал Перцов.

Эта идиллическая картина могла бы завершить рассказ о ББС и Перцове. Но картина должна быть дополнена.

"Палки в колеса"В 1961 году из Москвы, из инженерной службы факультета, приехал некто Баранов. Был любезен и внимателен. Ему было интересно, откуда взяты деньги на строительство? А в действительности ли пирс такой длины, как указано в отчете? И написал в прокуратуру заявление о незаконном строительстве: по смете ремонта старого сарая построена целая биостанция. И просил разобраться...

Николай Андреевич неустанно боролся с пьянством. И многих этим обижал. А пьянство вне пределов биостанции было всеобщим, всеобщей реакцией на унылую жизнь, на бесперспективность, отсутствие самого необходимого в некогда богатом поморском крае. В апреле 1965 года Перцов поехал в Москву по очередным хлопотам. Вернулся -еще дотлевали головешки его сгоревшего дома. В углях, в золе он нашел красиво расплавленные объективы своих фотоаппаратов. Но самое ужасное: сгорели все материалы подготовленной диссертации - итог почти 15 лет изучения пищевых связей наземных животных и литорали Белого моря. Отвергая всякую помощь, Перцов сам начал строить новый дом. И построил лучше прежнего. Еще через два года были подожжены и сгорели склады, так когда-то восхищавшие меня своим невероятным порядком и совершенством. И через год на том же месте были построены новые, на этот раз кирпичные.

"Элита" не успокаивалась. Из авторитетных научно-административных кругов стало звучать: "ББС МГУ - прекрасное место для научной работы! Аквариальный корпус, электричество, кухня! Прекрасно! Безумно тратить все это на ученические работы студентов. И вообще, знаете ли, станция переросла своего директора. Пора его убрать!"... Враги были влиятельны и титулованы. Типичный продукт советской иерархии, они были уверены в своем всемогуществе. Романтический энтузиазм вызывал у них лишь усмешку.

Сложности извне и конфликты внутри Перцов не имел ученых степеней - новую диссертацию он делать не стал. Он получал неприлично низкую зарплату, но никогда на это не жаловался. "Элиту" раздражал дух энтузиазма и бескорыстия стройотрядов: как это, почти без оплаты, а 30 рублей в оба конца и питание в столовой? Откуда эти деньги? И находили поводы писать доносы в прокуратуру и даже в уголовный розыск. Это было трудно вынести. Веселый, легкий и обаятельный, Перцов все больше нервничал, иногда становился резким, и, как обычно, чаще по отношению к близким сотрудникам.

Сотрудникам ББС было не легко. Когда-то они, увлеченные пламенным Перцовым, поехали работать на станцию. Прошли годы трудной жизни. Прошла молодость. "Блажен, кто смолоду был молод" - знаменитые слова Пушкина. А дальше: "...Кто постепенный жизни холод с годами вытерпеть сумел" - страшная вещь этот холод. Трудно вынести его. И обращается взгляд на человека, бывшего ранее идеалом. Так легко найти в нем причину холода своей жизни... Как печально, что некоторые из когда-то молодых энтузиастов стали врагами директора. И поддерживали письма-доносы.

Его замучили ревизии - пытались найти финансовые нарушения. Это было хорошо отработано в советское время. Не нашли. Снять его не решились.

Почему? Побоялись массовых протестов. За него вступились бы сотни бывших студентов, сотни тех, кто строил ББС в лучшие годы своей жизни. Не решились. Но жизнь его была трудной. Мы уже не удивлялись, что директор не расстается с валидолом. Открылась язва желудка. Приходилось лежать в больнице. Все это сократило ему жизнь.

Дальнейшие успехи, дальнейшие... Перцов остался директором. Беломорская биостанция МГУ осталась уникальным местом прежде всего для учебной, а затем для научной работы. Осталась, как сказал Матекин, "жемчужиной, которая украшает корону столичного университета".

В летние сезоны на ББС проходили практику и работали в стройотрядах до пятисот человек. Жизнеобеспечение их требовало больших усилий. Нужно было бы назвать здесь многолетних сотрудников биостанции, обеспечивающих все это: транспорт (корабли), отопление, разнообразную технику, работу складов, лабораторий, прекрасную библиотеку. Среди них старейший заведующий хозяйством А.Ф. Таурьянин и А.Н. Таурьянина, научные сотрудники Т.Л. Бэер, В.Н. Левицкий и все годы от своего студенческого времени заместитель директора, а после Перцова - директор ББС Нина Леонтьевна Семенова.

В 1975 году Перцова вызвали в ректорат для доклада на ректорском совещании о состоянии и перспективах ББС. Он долго и, как обычно, очень тщательно готовился. На девятом этаже главного здания МГУ в зале собрались руководители факультетов и служб университета. Ректор Иван Георгиевич Петровский, открывая заседание, сказал: "Товарищи! Николай Андреевич Перцов - замечательный человек. Он так много сделал для университета. Давайте не будем мучить его докладом, а поприветствуем его аплодисментами". И все встали и аплодировали Перцову. Это было истинное признание и, в сущности, единственная бесценная награда.

Однако его не оставили в покое. Травля продолжалась.

Имени Перцова 5 июля 1987 года Н.А. Перцов внезапно умер от сердечной недостаточности после очередных неприятностей. Его могила тут же, на биостанции.

Потрясенные ранней смертью Перцова, сотрудники и студенты обратились в "инстанции" с просьбой о присвоении станции имени Перцова. Просьба казалась такой естественной. Но казалась не всем. Его не забыли. Ему не забыли его самобытности и непохожести. Студенты не стали ждать официального утверждения и укрепили на пирсе надпись: ББС МГУ имени Перцова.

Быстро проходит жизнь. От незабываемых лет остаются ученики, друзья, воспоминания и напечатанные труды. Труды Беломорской биостанции МГУ - шесть выпусков книг "Биология Белого моря" - вышли при жизни Перцова, седьмой, под редакцией П.В. Матеева, в 1990 году и посвящен светлой памяти Николая Андреевича Перцова.

P.S. Прошло пять лет, как был написан этот очерк. В июле 1996 года случилась авария на линии электропередачи - ураганный ветер повалил один из столбов. Уже были куплены железнодорожные билеты для групп студентов, направляющихся на беломорскую практику в августе.

Студенты слышали рассказы предшественников и предвкушали предстоящие впечатления. Пришла телеграмма: практика отменяется... Это было ужасно и невозможным. На ББС получают не только знания зоологии беспозвоночных животных и водорослей - там в незабываемых красках Севера при ежедневном общении разных поколений складывается символический образ кульминации юности. Проходят годы и десятилетия, и для многих этот образ оказывается бесценным воспоминанием. При жизни Н.А. Перцова потребовалось бы два-три дня на ремонт своими силами. Нет на Земле Перцова. Распался Советский Союз. Не

осталось места для бескорыстного энтузиазма. Наступили другие времена. Никто теперь своими силами не строит и не ремонтирует высоковольтные линии. В Московском университете нет денег, чтобы оплатить восстановление высоковольтной трассы, нет денег и на оплату расходуемой электроэнергии, нет денег на горючее для кораблей, нет денег... Когда-нибудь все образуется. Беломорская биостанция МГУ имени Н. А. Перцова будет многие годы служить делу создания российских интеллигентов. Но никогда не повторится "время идеализма" - романтического воплощения в жизнь прекрасных поэтических идей.

Литература и ссылки • Шноль С., «Николай Андреевич Перцов», "Знание - сила" №8 1997 г.